

Людмила Болотнова

В миноре...

Поздняя и пражская



Библиотека журнала «Вторник»

Людмила Болотнова

В миноре... Поэзия и проза

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=62704131

ISBN 9785005159458

Аннотация

«Надежды безудержной взлет» можно было бы сделать эпиграфом к этой книге. Стихи, наполненные содержанием, или проза полная поэзии. А в итоге книга, разбитая на музыкальные фрагменты и такты, и нужно просто следовать этому ритму, заданному автором. Книга из кусочков: стихов, прозы, эссе.

Содержание

Фуэте, гран-па, ритурнель	8
СТИХОТВОРЕНИЯ	11
Питер	11
Воспоминания о несбывшемся	17
Времена года	26
Вступление	26
Осень	26
Зима	29
Весна	32
Лето	35
Послесловие	38
Quasi fantasia	39
Белая птица	39
Всадники	40
Факир	45
Песня сирены	46
Andante	50
Mollis	53
Preludes	56
Etudes	58
Все не то...	58
Маме	59
Белый свет	62

Кода	63
Ливень	64
ПОЭМА	65
Старый колокол	65
РАССКАЗЫ	71
«Хвостунья»	71
Конец ознакомительного фрагмента.	74

В миноре...

Поэзия и проза

Людмила Болотнова

Редактор Игорь Михайлов

Фотографии Людмила Болотнова

Корректор Виолетта Эль Шейх

Корректор Дарья Лепихова

Верстка Дмитрий Горяченков

Дизайнер обложки Людмила Болотнова

© Людмила Болотнова, 2020

© Людмила Болотнова, дизайн обложки, 2020

ISBN 978-5-0051-5945-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero



Фуэте, гран-па, ритурунель

Летний сад, усыплённый зимою,
На перилах подтаявший снег,
И мосты над промерзшей Невою,
Как надежды безудержный взлёт...

Литературная поступь Людмилы Болотновой легка. Она, словно пришла, чтобы не обременять никому существование. Наверное, это в ней и ее стихах от балета.

«Надежды безудержной взлет» я сделал бы эпитафией всего ее творчества.

Мое знакомство с Людмилой началось еще с журнала «Литературная учеба», куда она принесла свои переводы. Пришла легкой поступью балерины. Хрупка, бесплотна. И звонила, справляясь о том, что пойдет или не пойдет, тоже очень спокойно, словно пролетая в прыжке мимо восьмого этажа офиса на Ново-Дмитровской.

Бывают авторы очень надоедливые, а она, словно и не просила и ничего. Таких авторов в журналах не любят и забывают быстрее, чем они закрыли за собой дверь. Но именно поэтому я начал вчитываться в ее строки:

Иль это мне только снится?
Воздух с Фонтанки сырой,

И фонарей вереницы
Тихой ночной Моховой...

Потом были переводы с немецкого, Рильке, Людмила много общалась с Евгением Витковским, потом был журнал «Юность», где от слова «балет» в глазах главного редактора загоралось кошачья лукавость.

Многие поэты, писатели – люди довольно случайные в литературе. А Людмила, несмотря на свою легкокрылую страсть к танцу, музыке, не претендуя на внимание широкой публики, пишет, плетет кружева. И вот – уже книга, скроенная из кусочков, стихов, прозы, эссе, словно бенефис актрисы.

И если раньше ее присутствие поражало необычайной тайной отсутствия тяжести, давления на читательское восприятие, то теперь этот «безудержный взлет» стал еще невесомей, но строже.

Как будто шутки насчет происхождения ее творчества из легкомысленного жанра танца уже не актуальны. А в итоге: книга, разбитая на музыкальные фрагменты и такты, чтобы читатель не искал за всем этим массивом подвоха. А следовал ритму, заданному автором.

Я следую этому ритму давно. Любовь Людмилы к Питеру соединила и меня с нею в каком-то безумно-вакхическом танце. Питер откликнулся на ее минорный настрой, а я родился в этой таинственной паутине, сплетенной из узорча-

тых решеток Летнего сада, черно-белых теней и оттенков.

Мне кажется, что по количеству жанрового разнообразия Людмила сделала гран-па. Тем интереснее читателю будет очутиться в атмосфере ее импрессионистской манеры письма, когда сюжетная линия движется не по законам логики, но – чувства или даже впечатления. Настроения, музыкального такта. И все звучит «смычку воздушному» послушно:

Словно маленький факел страсти,
Её юное тело трепещет.
О, ты слышишь? Конечно, ты слышишь!
Не тимпан – дождь о стёкла бьётся...

Или:

Декабрь. Сумерки. Стамбул – «Ночь, улица, фонарь,
аптека...».

Завороженный зритель зябко кутается в кружевную печаль ее сновидений...

Игорь Михайлов

СТИХОТВОРЕНИЯ

Питер

Этот воздух сладостный,
Ранящий гортань.
Невский, обжигающий,
Радостный дурман.

И туман, сплетающий
Золотые сны.
Горький, не стихающий
Привкус лебеды.

Ты видел ли, как умирает луна
В дремотный предутренний час?
И знаешь ли, как угасает мечта
На зыбкой границе из яви и сна?

Немного ещё – и серебряный звон
Прольется в глухой синеве,

По улицам тихим шептанье пройдет,
И вздрогнут перила мостов.

В ознобе предутреннем перекрестки,
И окна домов, как глаза,
Спросонок глядящие удивленно
На чудо рождения нового дня.

Я люблю этот миг,
Миг прощанья со светом,
Когда ночь темным флером
Укрывает дома,
Песню белых снежинок,
Фонари и деревья,
Шелест шин об асфальт.

Летний сад, усыпленный зимою,
На перилах подтаявший снег,
И мосты над промерзшей Невою,
Как надежды безудержный взлёт.

Я люблю этот миг,
Потому что неожиданно
С темнотой подружились дома,
И перила каналов
Извилистой тайной
Городские плетут кружева.

Купаясь в закате, и пробки в воздух!
Розовой влаги пенистое забытье!
О, где вы, мои Царско-Сельские будни?!
Где каждый день праздник, и льется вино!

О, где вы, мои друзья и подруги!
В глазах ваших звездных рождался рассвет.
В замерзшем окне Петербургские выюги,
Восторженных слов фейерверк...

*Белые ночимоих своеволий!
Белые ночи вещей безумств!
Красным огнем сокрушающей жертвы,
Белых ночей растревоженный сон.*

Сажень заката. И выстрелом в спину,
В муке последней синеющий рот.
В мягкой земле вязнут серые шины,
В рыжую глину вдавлен чёрный сапог.

Купаясь в закате, как в приступе боли,
Изнеженным телом ложаюсь на свинец.
Пошады не будет. Как в свежую рану
На рыхлую землю ложащийся снег.

Бледно-лиловые тени
В сумерках старых аллей,

В воздухе запах сирени,
Шепот столетних ветвей.

Иль это мне только снится?
Воздух с Фонтанки сырой.
И фонарей вереницы
Тихой ночной Моховой.

Что эти волны скрывают?
Дремлет в Лебяжьей вода.
И Инженерного замка
Строгий безмолвный фасад.

Чудятся звуки шарманки
В старых колодцах-домах,
Мимо мелькнувшие санки,
Блеск эполет из окна.

Ты временам неподвластен,
Город разбитых надежд!
И на Дворцовой, как прежде,
Ангелом поднятый крест!

Друг, и награда, и мука,
Вечная боль и мечта.
Город величья и силы!
Город святого Петра!

Музыки тихой печальный напев
Ночью ненастной меня растревожил.
Звуки стучат в моё сердце, как в дверь
гости случайные – требуют крова.

Все беззащитны пред этой бедой:
Жизнь – снег в ладонях. И медленно тает.
Не ухватиться, не задержать,
Как эти звуки она исчезает.

Санкт-Петербург, 1993 г. – Москва, 2010 г.

Невидимых слез я узнала ненастье,
И злобы безмерность, и призрачность счастья.
В дороге далекой, без света скитаясь,
Узнала я жажду. Еще я узнала,
Как лед обжигает.

Из крика и плача я видела море,
Нелепого страха бездонную пропасть,
Бесчисленных звезд равнодушные стаи.
Теперь я узнала, как свет умирает.

В оконный проем я шагну незаметно¹.
И кто нам судья? Усмехается Вечность...

¹ Так люди, испытавшие клиническую смерть, описывали выход в иной мир. Этот образ не означает суицид.

А люди, вы – слепы! И ум ваш – нелепость!
Оконная пропасть. И бездна из света...

Листок на ладони – вся жизнь:
Ее времени ветром
Несет в неизвестность.

Город моего сиротства,
Переменчивой судьбы.
Голод,
Как ножом по хлебу,
Вырезающий из сердца
Золотые сны, мечты...

Воспоминания о несбывшемся Питер

1.

*Весь этот город, словно притча
О неисполненной мечте...*

Люди бредут по бульварам,
Мчатся машины в дождь,
В полночь звоны трамвая,
Вдали шаги чьи-то тают...
На мокром асфальте листья.
В молчанье застыли дома.

Город пустынный, тёмные улицы,
Старый подъезд с фонарём у двери...
Воспоминания об ушедшем
В воздухе,
 в воздухе
 у Невы.

Снег на ступенях гранитных,
Медленный спуск к воде,
Окон пустые глазницы,
Бред усталый во сне.
Каре на Сенатской... И снова —
Медленный спуск к воде.

Город пустынный, тёмные улицы,
Звон трамвая застыл вдали...
Воспоминания о несбывшемся
В воздухе,
 в воздухе
 у Невы.

Не разорвались цепи
из предрассудков и лжи.
В дремотном тумане будней
мы утопили сердца.

Как умирают деревья,
разрушаются города,
Истлевают древние книги —
Так исчезает душа.

*Весь этот город, словно притча
О неисполненной мечте.*

2.

*Снег – таинство в ночи.
Под фонарями тени бродят. И в тишине
Я слышу сказку грустную деревьев....*

Снег, снег, снег
Фонарей свет.
Вдаль,
 вдаль,
 вдаль
По улицам, как встарь.

Город немой, Ты укрыл
Тайну от наших душ.

Только в слепой ночи
Тихо мне шепчет снег,
Падая на ладонь,
Сколько великих сердец
В Вечность Ты взял с собой!

Сколько страданий и слёз
Ты в себе схоронил.
Город мечтаний и грёз,
Ты нас – заморозил.

Нет уж душевной тревоги,
Лишь Достоевского тень,
Вместо Петровой мощи
Дикого бунта тлен.
Ангел крестом не спасся,
Цвет изменила Нева,
По площадям скитаясь,
Призрак пустился в пляс.

Призрак былого величия,
Призрак великих дел,
Алые флаги колышет
Призраком перемен.

Новых апостолов лица,
Новых пророков – толпа.
Длинною вереницей
Тянутся их дела.

Наши с тобою судьбы
Временем перепаханы,
И мы с тобою – не судьи,
И не свидетели даже.

Просто в потоке улиц,
В мешанине домов и лиц
Мы с тобой – гладиаторы
Без крови и пик.

Незаметно свеча угасает.
Вереницей проносятся дни.
Не столкнутся вчера и сегодня,
Не сведутся с концами концы.
Обретенного – больше потери.
Еще больше, увы, не сбылось.
И синица в руках – искушенье,
Серый призрак, скрывающий ложь.

*Снег – таинство в ночи.
Под фонарями тени бродят. И в тишине
Я слышу сказку грустную деревьев.*

3.

*А может просто ночь нам растревожит память:
В висках стучит, проснувшись, боль,
Надежда снова горло сдавит.*

Случайные встречи, слова,
Застрявшие в горле рыданья...
Пустующих окон глаза
Размыты следами ненастья.
Безумных машин языческий ритм.

И люди на тротуарах...

Там Заратустра говорил.
Здесь Ницше повторил.
Быть может, все пророки, вы —
Лишь только чудаки?
Быть может. Ну а может быть,
Для нас нормальны дураки?

Быть может, глупость
В ранге добродетели,
Шипит со всех сторон,
Что всех инакомыслящих —
Либо в костёр,
Либо в дурдом.

Быть может, нужно
просто жить?
А может быть,
И вовсе ни к чему?
Нас учат правду говорить.
А как её найти?

Быть может,
Кто-то там сообразил,
Как мир преобразить?
А может быть, он был шутник —

И просто пошутил?

Он пошутил – и я шучу,

Об этом говоря...

Быть может.

Ну а может быть, мы все

Валяем дурака?

А может, просто ночь, нам растревожит память?

В висках стучит, проснувшись, боль.

Надежда снова горло сдавит.

4.

Туман из дней. Ненастье суеты.

И не дожидаться Воскресенья!

На самом острие мечты

Со дня Творенья...

В колеблющемся пламени свечи

Расплывчатые лица. Наш разговор

Без смысла и конца. Дым сигарет.

А за окном – затихший город.

По замкнутому кругу жизнь идёт.

На привязи – желанье

вслед за жаждой.

Кого-то держит в лихорадке
Нелепый страх. Кого-то лень
Хватает за руки, за пятки,
Кого-то за сердце – тоска.

Кого-то колесует страсть.
Кому-то сковородка,
А вместо масла и огня —
тщеславие или юродство.

Кто – на дыбах своей мечты,
таланта или глупости,
Кто – от ума всегда в жару,
Кто – в холоде от одиночества.
У каждого своя судьба.
И мера мук. И мера счастья.
У каждого – свое ненастье.
И лишь душа – одна.

Душе – полёт. Но тянет тело
К земле. И муки не унять.
В нас страх таится от рожденья.
Но лживые уста не могут
Заставить сердце замолчать.

Город дождем окутан. Дома в пелене тумана.

Люди – тени пустые – скользят по тротуарам.
А я вижу луг зелёный. И голубое небо.
И солнце...

*Весь этот город словно притча
О неисполненной мечте.*

Времена года

Вступление

Бред мой детский, страшный бред
С роковой развязкой.
Заметет метелью дней
Лета солнечную пляску.

Строгий мрамор холодов,
Готика ненастья...
И бесшумно белый снег
Заметет дорогу к счастью.

Осень

Унеси мою печаль, ветер!
В листопаде закружи память.
Это прошлому дано кануть
В сумраке задумчивых деревьев.

По аллеям размечи, ветер!
Вихрь шуршащих, золотых листьев.

Зашепчи слова, что отзвучали,
И не дай безумию продлиться.

Только ветер резко, неотступно,
Вслед кидает мне охапки листьев.
Только листья, тихо опадая,
Словно шепчут, тайн не выдавая.

Но мне ведомы иные тайны.
Отголоски слов тревожат сердце:
Чья-то боль, отрада и страданье
Растворились в воздухе вечернем,
Задержались в песне листопада.

И я знаю, листья опадая,
Повести не выдадут случайно.
Только ветер, только листья тают
В воздухе, как жесты отрицанья.

сентябрь 1989 г., Москва

На тропинке шуршащей листвою
Отражаются наши следы.
Долгий путь по аллее пустой
В золотую прохладу листвы.

И так сладко без прошлого жить,

Забывая и радость, и боль.
И так просто – лишь выдох и вдох, —
Долгий путь по аллее пустой....

Легкий ветер играет листвою,
Что-то тихо шепнет у виска...
И все то, что смятением жгло
Словно листья сейчас под ногой.

октябрь 1989 г., Москва

Страшна как смерть любовь

Посмотри сквозь сумерки окон,
Как тоскует бездомный ветер!
Нет покоя душе в этот вечер,
Нет покоя от ветра деревьям.

Это время развернутой книгой
О голубке с любовью шепчет,
Ее преданном, нежном сердце,
Что любовью царя покорило.

О, ты слышишь? Конечно, ты слышишь!
Дождь о стёкла бьётся сердито,
А в душе твоей в пляске мечется

Рыжекудрая танцовщица.

Словно маленький факел страсти,
Её юное тело трепещет.
О, ты слышишь? Конечно, ты слышишь!
Не тимпан – дождь о стёкла бьётся...

И сочится сквозь сон столетий
Рыжекудрой голубки песня.

Зима

И не будет мной сказано снова
Это слово, последнее слово,
Как залог нами прожитых дней.

И порукой нам будет разлука,
Долгих дней безмятежность и скука,
Где нет больше ни встреч, ни потерь...

Так зачем? В эту даль без названья,
Где в беспамятстве ожиданья,
Отголоски несбывшихся встреч

Так мучительно тянет. И снова,
Мой загадочный Казанова,
Перекресток двух странных дорог.

Только ветер... порывисто дышит.
И далёкий, но близкий услышит
Мой прерывистый монолог...

Но ответить не сможет...

И не сказано снова

То последнее, странное слово.
И дороги не будет назад.

январь 1991 г.

И снится дыханье зимы
В ласкающем воздухе лета,
Блестящий покров тишины,
И синий студенистый вечер.

Прозрачная льдинка заката.
Сквозь сумерки длинных теней,
Пунктиром идет по бульварам
Оранжевый след фонарей.

Узорный оконный проем,
И дом, словно терем из сказки.
Чугунная проседь дверей.
Деревья. Галдящие галки.

И вечер, исполненный счастьем,
Хрустящий, волшебный, земной.
В глазах твоих тайна. И снова
Дарована встреча судьбой.

Но знаю, свободы не даст,
Зима моему своеволью —
Движенью навстречу тебе,
Кто стал и любовью, и болью.

По снежному девству, сквозь холод.
Века и века, как следы
В снегу. Угасающей. В полночь
Ступающей тихо мечты.

Снега легли. Земля спала. Казалось,
Над упокоенной мечтой, снегами
Надежда слалась. И верилось,
разлуки нет. Лишь дни... летели...

Над чашкой кофе за столом,
в словесной пыли,
Ни весточки издалека,
Лишь – дрожь в мизинце...
Без слов, намеков и вестей —
двоих единство.

И, незамеченный никем,

Дрожит, дрожит, и, как сквозь сон,
Зовет душа смятенная.

В проем окна – видение
Двух крыльев белоснежных,
Из синевы, из тягости,
Из грусти предвечерней.

Сон встревожен полночной загадкой,
Держит память забытый кошмар.
Холодок у виска. И внезапной,
Новой мысли волнующий жар.

Эта мысль, проникая в сознание,
Прогоняет нависшую тень.
За окном золотится Исаакий.
Круглый стол. На нем ваза. Сирень.
В зыбких сумерках тает смятенье,
Очертанья предметов ясней...
Крыльев шум. Это ангел-хранитель
Опустился к постели моей.

Отошло. Растворилось. Исчезло.
В предрассветной рассеялось мгле.
Ветхим рубищем сброшено с тела.
И легко я вздохнула. Во сне.

Лето

Одиночества тихая тайна,
Приоткрытая в прошлое дверь,
Тихий шепот в оставленной зале,
В зеркалах промелькнувшая тень.

Редкий дождь в зыбких сумерках лета
У границ наступающей тьмы.
И сквозь пыльные, тусклые стекла
Его капель размеренный ритм.

И без спроса, сквозь тусклые окна
Растворится в комнатах ночь.
И, сквозь памяти тусклые стекла,
Сердце вновь растревожила боль.

Эта боль – отголосок давнишней
Не прошедшей, не стихшей беды.
Эта боль – оживающий призрак
Притаившейся в сердце мечты.

Ночь подступает. Голова устало
Склоняется над письменным столом.
И лунный диск, со мной играя в прятки,

Сквозь стаи туч маячит над окном.

Вновь тишина над миром полусонным,
И старый сад неровно лижет тень.
Лишь соловей – неистовый влюбленный —
Лиловых звуков распускает трель.
Душа сейчас спокойствием полна.
Луна смеется, комнату лаская,
И тени отступают по углам,
Суть неземную на мгновенье обнажая.

И в этот час я вызов твой приму,
Мой враг старинный с профилем орлиным.
На подоконнике лежит твоя рука,
И на манжете изумруда глаз змеиный.

Погашена последняя свеча,
И оживает сумеречный сад.
В окне открытом – «Лунная соната»...
Вплывает в ночь из прожитого знак.

Кустом сирени расцветает повесть,
Узор дрожащих бликов... Явь? Иль сон?
Но дальше, в ночь, в сумятицу мгновений...
И бесконечен наш давнишний спор.

Твой путь жестокой страстью был отмечен.
Восточной ночи помутнело волшебство.
И в яд безудержных стремлений

Переродилось дивное вино.

Но ночь-вещунья лунным наводнением
Вскрывает шлюзы прожитых невзгод.
Уносит прочь, в сумятицу мгновений
Твой образ. Навсегда. С моей дороги.

В ночь.

Этот дождь – собеседник
И последний товарищ,
Что опора в разлуке
И надежда в прощанье.

Тёплый ливень июньский,
Кроткий и безмятежный:
Утешающий, ранящий,
Лечащий душу.

Но струны не хватает
На гитаре старинной.
Знать, окончена песня,
Только дождь непрерывный.

Тёплый дождик, поведай,
По дороге размытой
Возвращаются ль песни
Из страны без названья?

Возвращаются ль звуки?
Оживают ли взгляды?
Эхом древних преданий
капли бьются о стёкла,
Словно пальцы столетий.

Послесловие

Романтикой и болью,
Потерянной мечтой,
Увядшей красотой
И радостью живой

Доносит сквозь столетья
Старинная печаль
Вечернюю молитву —
Предвосхищенье сна.

Предчувствие победы
Над множеством удач.
Последнюю отраду,
Бессмертия печать.

октябрь 1989 г., Москва

Мне ответила белая птица:
«Ты от слабости хочешь разбиться.
Тот, кому недоступно небо,
В темной бездне ищет ответа.
Нужно к солнцу, не вниз стремиться,
И не падать – летать учиться.
Посмотри! Мир прекрасен и чуден!
Ты же знаешь, что пропасть бездонна,
И назад невозможно вернуться».

Я уснула под песню моря.
В мягком свете рассеялась горечь.
Непонятная светлая сила
Разлилась в безлюдном просторе.

Всадники

*Так пелись старыми людьми
о всадниках загадочных стихах.
Они слагали гимны и баллады:
святых писаний были в них черты*

1.

Вот послушай, веселье оставив,
Отчего час печален закатный,
Отчего так тревожен разум,

Ожиданьем охваченный странным.

И, как в старой легенде поётся,
Уж не вспомню во сне или въяве,
Только знаю, что всё повторится.
Не с тобою, так с тем, кто рядом.

Вот послушай, что в час закатный,
Когда солнце за горы садится,
Всадник в красном с известием скачет,
Всадник в двери твои постучится.

Стукнет трижды – и сердце сорвётся
В пустоту, вдруг в тоске замирая:
То судьбы твоей вестник, послушай,
Всадник, в час заката печальный.

Поднимая тяжелые веки,
Пыль сомнений и сумерки будней
Разгребая, пути очертанья
Витязь в красном душе открывает.

Прозревая сквозь боль и смятенье,
Глядя в омут глазниц бездонных,
Молча, настезь откроешь двери
Гостю странному в час урочный.

Но беззвучно в лучах закатных
Растворится вечерний посланник.

Розовея в вечерней прохладе,
Белый свиток к ногам твоим ляжет.

Наступая, вечерний воздух
Растворяет тревоги знаки,
И прозревший, не на смерть ранен,
Лишь покоем навеки оставлен.

2.

Слушай дальше: ночью однажды,
Не сливаясь с ночною прохладой,
Всадник в белом у окон встанет,
Всадник снова тебя поманит.

Плащ его белизной сияет,
Только крест на груди могучей
Говорит – он не призрак бесплотный,
А посланник из вечных далей.

Конь его светло-серой масти,
В белой гриве ветер блуждает,
Бьет копытом своим о камень,
Искры солнечные высекая.

В оглушающем воздухе лета
Ароматы старинных преданий...
Витязь в белом протянет свиток
И в проёме окна растает....

В ночь откроет оконные рамы
Беспокойный порывистый ветер...
И на свитке, оставленном гостем,
Знаки огненные проступают.

У жаркого каминного огня
В старинном доме за чугуною оградой
На Рождество мне явится мечта:
На низком столике перчатка голубая,
Звезда взойдет в преддверии креста.

Камин тяжелый. Темное вино
Поблескивает в дымчатых бокалах.
Ты явишься мне путником усталым,
Промокший плащ свой сбросив на ковер.

Ты вступишь призраков в высокий гулкий зал,
В неверный блеск каминного свеченья.
А за окном беснуется метель,
Ревет и воет снежное смятенье.

И тени проплывут передо мной,
Их судьбы, страхи, детские волненья...
Свечей старинных аромат. Чадит.
Но растворяются мои сомненья.

Ты, посланный в наш сиротливый мир,
Из светлой радостной неволи,

О, гордый дух, бестрепетный софист!
Но веры больше нет твоей крамоле.

И вот они столкнулись – два клинка,
Безжалостные к застарелой фальши.
Дешевый фокус больше ни к чему,
Копыто спрячь, магистр чернейшей масти!

Не завладеет разумом моим
Сарказма твоего пленительная бездна,
И не испытывай моей глухой тоски
Познания надеждой бесполезной.

Ты путник среди унылого жнивья,
Моя ж печаль светла и бесконечна.
А свиток убери свой со стола.
В чернила кровь не превратить, конечно...

Вновь тени предо мною проплывут,
Твоим рассказом вызваны из бездны —
Тот застарелый сумрачный недуг
Сердец погибших – гордых и мятежных.

И вот опять: старинная мечта
В том доме за чугуною оградой...
Метель ревет. Но чудится весна
За тихим занесенным снегом садом.

Я знаю, в сердце тайное живет,

И в жилах просыпается смятенье:
Чудесный сад, весь полный тишиной,
И девочка-весна в гирляндах роз нежнейших.

Но оплывает толстая свеча.
Камин погас. Метель утихла. Утро.
Смотрю сквозь сон в промерзшее окно
И легкой судорогой зевок: «Неужто?»

В размытом свете утра – гулкий зал.
Шум улиц снова ударяет в стекла.
Я, усмехаясь, трогаю висок:
ночная чехарда... Но вот опять:

На низком столике перчатка голубая,
И два бокала, недопитые, вина...

Факир

Солнце полдня пик уже прошло.
На базаре собралась толпа.
Вот факир слепой. На нем чалма.
На песке пред ним в мешке змея.

Флейтой заморожена змея
– В сладострастном ужасе толпа—
Пестрой лентой выползает из мешка,

Как сама бесстрастная судьба.

Слеп факир. Для змей беззвучен мир.
Но в сплетенье перевозданных сил
Их соединил дрожащий звук
В поединке страсти и судьбы.

Одному – печальной флейты власть.
В гибком танце мечется другой.
Чертит тело пестрое змеи
На песке судьбы рассказ немой.

Страсти ядовитый меч блеснет,
И смертелен пестрой ленты взлет...
Лишь на время заморожена судьба.
Не тревожь ее немой покой.

Но закат пылает за горой.
Поединок близится к концу.
И уже не чертится змеей
На песке судьбы рассказ немой

Песня сирены

Куда ты спешишь! Одиссей! Одиссей!
То голос блаженства и мирной неволи.
То горестный голос безумной надежды,

Печальной колдуньи далеких столетий.

У звезд недоступных я силу черпаю,
У моря – безбрежность блаженства и боли.
В их чудном сплетенье забудешь стремленье!
О, не торопись навстречу скитаньям!

Иль может, ты мнишь, спасенье – канаты?
Безумец! От жажды спасенье найдешь ли?
От жажды безумного вольного счастья
На дне океана спасенье! Запомни!

Ты жалкий фигляр! А не муж, и не воин!
Они либо гибнут, соблазну вверяясь,
Иль в бурю страстей, словно в море кидаясь,
Смятение в сердце своем побеждают.

И самое страшное есть в нашей жизни,
И радость, и боль, и спасенье, и мука —
то память. И с нею ты сладить не сможешь,
своею же хитростью к мачте привязан.

Опомнись, безумец! Уж лучше погибнуть,
Чем с жаждой несбыточной вечно бороться.
Знакомый со страстью, узнает измену!
О, не торопись навстречу страданиям!

В дорогах земных, в суетливых победах,
Клеймо моей песни тебя обездолит.

Знакомый с мечтою, узнает смятенье.
О, не торопись! Заклинаю! Остаься!

Снова сможет поведать
Тихий голос, поверь,
Тайну долгих столетий
Наших горьких потерь.

Тайну звездных просторов,
Безмятежной зари,
Одинокой пустыни
Моей древней тоски.

Где порок и прозренье,
Добродетель и страсть,
В диком танце стремлений
Полутени игра.

Где старинная песня
Льется плачем в песок,
И лозой виноградной
Прорастает в ней вновь.

В землю звуки стекают,
Словно капли воды,
И в лозе созревают
Ягод бархатных сны.

Корни в землю уходят,
И земли древней скорбь
В соках дерева бродит,
Зреет радость-любовь.

Опьяняющей лаской
Блещет влага вина!
Упоительной сказкой
Золотого огня!

Andante

призвание

Солнце, погибшее сердце для света,
Сердце, горящее в дикой пустыне.
Недостижимой мечты упование —
солнце —
горящее сердце познания.

Удел наш легкий, славный росчерк,
как взмах крыла, как вскрик
от меткого удара,
И навзничь брошенная жизнь.

Как стали блеск, мерцанье моря,
И путь в безбрежный край чудес.
Удел наш – тихий, тихий шепот
Сквозь забытые прикрытых век.

Ленинград – Москва, октябрь 1988 г.

Посягнувнем на великое
Жива душа. Стремленьем вдаль,
Но лишь мгновение
Поет стрела. И не задумано,
но опрометчиво,
Как вскрик в ночи,
Полет безудержный
Мечты стремительной,
Как взгляд из тьмы.

Нашим шуткам, таким безмятежным
И словам, вылетающим вскользь,
И сердцам, несмущенным бесчестьем,
В наших песнях дано зазвенеть.

Этой легкой безудержной силой
Нам крылатая участь дана,
И, шутя отрекаясь от счастья,
Муки ждем, как блаженного сна.

1988 г.

Слова, уставшие звучать
В мельканье суетливых дней.

Уста, зовущие молчать
Мою безудержную речь.

И снова майский вечер тих,
В окне открытом – голоса.
Через пустынный сонный двор
Иду. В молчании. Одна.

И снова тихий возглас чуть,
Чуть встрепенулся – и затих,
И снова – тихий шепот муз,
И восклицанья трепет: «будь!»

Петля или песня. Провал или посох.
Усталость, сжимающая виски...
Мгновенье иль годы. Удушье иль воздух.
Полет или пропасть. В бреду? Наяву?

Свобода – свободным, и воля – парящим!
Но выбор у цели – как пуля в туза.
Мечта или призрак? Безбрежность – мятежным,
Безликость – бездушным, холодным – огня,
В геенне сжигающего гордыню.

Взлетевшим

Холодная сталь бытия.

Mollis

(лат. мягкий, грустный)

Был сон старинный. Золотой
Костер пылал из поднебесья.
И в тихий ласковый простор
Вливалась солнечная песня.

День догорал. И гаснул свет.
В таинственном изломе ночи
Моя вечерняя печаль
Перерождалась в слово «Отче».

Смотри! Таинственную гладь
Ночных озер тревожат тени.
То призраки былых сомнений
Людей, учившихся летать.

Любовь, не знавшая границ,
Столкнулась с каменным величием.
Так нежный яблоневый цвет
Срывает ветер – злобный нищий.

Расскажи мне осеннюю повесть
Сиротливо лепечущей тьмы,
В белом зареве зимних окраин
Угасающей тихо любви.

Спой мне песню с беспечностью вещей,
Когда выпит весь яд до конца,
И пьянящая ложь без названья
Навсегда, навсегда отошла.

Мир так же прост,
Как странник у порога,
Пристанища просящий ради Бога,
Тепло огня в сырую непогоду,
Скит у ручья в лесу
И дальняя дорога.

посвящается Т Б

По мне ли колокол печальный
Звонит в вечерней тишине?
А может, это голос тайный
Напоминает о мечте?

Но не разбудит робкий голос
От суеты оглохший мир.
Как горстка пепла на ладони,
Для нас тревожный тот призыв.

Весь мир сейчас в оконной раме,
В оправе безмятежных дней.
Как будто путник на привале
К ручью приник в тени ветвей.

И ключевой воды забвеньё
Испив, забыл печаль и страх.
Весь мир сейчас – одно мгновенье,
Один парящий, лёгкий взмах.

Preludes

прелюдии

Оставлю ненаписанным роман,
Непрожитой начавшуюся жизнь
И пепел от потухшего огня – любовь,
Внезапно брошенную в мир.

Оставлю дом, в котором тишина,
И слабый отзвук прожитого дня.
Оставлю все, чему душа была
Взамен блаженства вечного дана.

осень 1989 г.

В этом сне, как всегда бесполезном,
Золотая отрада мечты,
Беспредельность последнего взгляда
Отпылавшей тревогой души.

В этом взгляде – прощанье с мятежным,
Ненасытным пожаром любви,

Золотая отрада забвенья
Отпылавшей сомнением души.

Растворясь в золотистом тумане,
Распрощается с сердцем душа;
Навсегда, навсегда отлетая
В нам неведомые края...

1991—2005 гг.

Чредою безрассудств и слёз
Затку орнамент для ковра.
Цветы из горечи и грез
Вплету в ткань пёструю ковра.

И будет, словно древний сказ,
Рисунок в красках оживать,
И будет радовать он глаз,
И будет сердце врачевать.

А я, закончив долгий труд,
Усну, забыв печаль и страх,
Оставив радостью дышать
Узор, родившийся в слезах.

Etudes

«Только вчера...»

Все не то...

Все не то...

Слова, как шарики цветные.

Я их воедино собираю.

Что получится, ещё не знаю:

Ворожу, гадаю, заклинаю?

Цвет у радости лиловый, нежный.

А у грусти синий и холодный.

Злоба черная, вот боль, а вот надежда...

А какого цвета жажда – я не знаю.

Цвета нет у пропасти бездонной,

Краски поглощает бесконечность...

Все шары мои теперь смешались,

И осталась только неизбежность...

И тот полет, которого не жду,

Обида, за которую не мщу,

Победа, у которой горький вкус,

и горечь. Горечь, словно мёд из уст.

Слеза моя, что тяжелей свинца.
Свинец – что легче пуха... И мечта,
Как ключ от всех замков земных.
И взмах крыла – прощальный взмах ресниц.

В молчании стихов – летящий ритм...
И в танце слов приоткрывает смысл
Свинец, что легче пуха. И слеза.
Моя. Что тяжелей свинца.

1995—2005 гг.

Маме

1.

Я не помню рук твоих и слов,
Лишь лицо – у старости в оковах.
Почему не вижу больше снов —
Паутиной скованное солнце.

Вот дорога между тополей,
Там вдали чернеет что-то.
Красок нет, как в области теней —
Солнце в паутине бьется.

Отчего не помню молодой,

два

крыла...

2012 г.

Сумерки. Окно. Дорога.
Звон вечерний. Звон трамвая.

Сумерки. Вино. Тревога.
Не любовь, и не свобода.

Все пять чувств, мои пять пальцев
Я в кулак сейчас сжимаю,
Что получится – не знаю,
Собираю боль в кулак.

До предела сжав пружину,
Распускаю пальцы врозь.

Распускаю. На ладони
Тают словно снег пушистый
Слезы. Капают, стекая,
Затвердевшие кристаллы —
Слезы падают на пол.

В распутившейся ладони
Теплотою дышат поры.

И над кожей, словно воздух,
Бабочек веселых рой...

2015 г.

Белый свет

Белый цвет, белый лист,
Белый снег, белый свет.
Ничего или все.
Бесконечность. Молчанье.

Белый снег, покрывающий все —
Это холод стирает страданье.

И вот-вот будет вздох,
Он вбирает миры.
Круг замкнулся – и выдох
– цветет мирозданье.

Белый лист на столе.
Не покой, и не сон,
напряжение мысли скрывает.

Белый свет.
Немотой, тишиной
Бесконечность играет.

Кода

Стихи – как тающий металл,
Как взмах крыла, стальной и мощный,
Как воздух, горький от похвал,
И сладость долгого безмолвья.

Где одиночество в пыли,
В песчинках тающих мгновений,
Как те песочные часы —
Песчинок бег, как сон столетий.

2016 г.

Туда, где вздохи и беда.
Раскаянье – страданий бремя.
И, словно темная вода,
Сознание накрывает время.

Где вдох – огромный горб земной,
А выдох млечный путь рождает.
Где свет и тьма уже не сон,
И влагой океан мерцает.

ПОЭМА

Старый колокол

Ты звени, звени, старый колокол!
Ты звени, возвещай правду горькую!
Ты звени, не молчи, вызванивай!
Ты звени, звени, созывай народ!

Только этот звон, что предсмертный стон.
Он не в Церковь зовет на венчание,
А ко площади – к месту лобному.

Зорька ясная занимается,
Народ, к площади собирается.

Уж на лобном месте нынче
сутолока: скорый суд,
казнь позорная.
Голова невинная с плеч упадет.
Не вздохнут, не охнут – все
честной народ.
Палач в красной рубашке
Топориком играет.

Топориком играет, народ забавляет...

Утро чистое, утро новое
начинается,
Да слезами умывается.

Над невинной головою занесен топор.
Причитает напоследок добрый молодец:
«Что же ты, моя головушка!
Что же ты, моя несчастная!
Не свалила пуля басурманская,
Ни хвороба злая, ни разбойный нож...
Подкосила молодца сила темная,
Страсть сердечная, зависть черная...»

А в высоком тереме молода девица
Причитает, словно над покойником:
«Подвенечный наряд, будто рубище!
А любимый мой скорой казни ждет!
Вы возьмите меня, подруженьки,
Да за белые мои рученьки!
И отдайте палачу на казнь позорную!
Не ведите меня только, люди добрые,
В церковь Божию на венчание!
К нелюбимому, ненавистному!
Не жених он мне! Наказание!

Доля горькая моя, безысходная...»

А палач на лобном месте ходит, похваляется;
А народ вокруг – то ли плачет, то ли насмехается.
А палач-то ходит, похваляется.
Свою удаль показывает.

Поднял голову с плахи тут честной удалец,
Посмотрел вокруг, да как выдохнет:
«Уж ты встретился бы мне в чистом поле,
Не в цепях позорных, а с палицею!
Стать тебе бы, душегуб,
Перед силою моей богатырскою!
Я бы удаль свою молодецкую
Показал бы тебе, злому врагу!»

«Птицей вольною прилетела бы,
Змейкой пестрою просочилась бы,
Ключевой водой, ветром ласковым.
Уж утешила бы я ненаглядного!
И оковы бы сняла с него тяжкие,
И у лютой смерти бы вырвала
ясноокого...»

«И надели мне рубаху покаянную,
Повели на площадь под глаза недобрые!
Ты поплачь, любимая, на мою муку гляючи!

На позорную мою кончину, бесславную!»

«Как о милости прошу! Люди добрые!
Отведите вы меня к месту лобному!
Разделить хочу с ненаглядным моим
Казнь позорную, долю горькую!»

И плывет над городом колокольный звон.
Тот венчальный звон, что предсмертный стон.
То ли в Церковь зовет на венчание,
То ли к площади – на место лобное:

«Не бывало же еще такого! Слушайте!
Чтоб в единый час, да на городе,
В церкви Божией – свадьбу правили,
А на площади – казнь затеяли!»

По толпе уж идет шепоток:
«Ведь преступник не тот,
Что на плаху идет.
Злодей в Церковь Божию
Направляется.
Над законом Праведным
Насмехается!»

И ударил колокол первый раз.

Опустился топор. Кровь рекой течет.
Покатилась с плеч долой
Голова молодецкая.
Так злодей казнит душу праведную.
Вот ударил колокол и во второй раз.
И упала замертво голубица чистая...
Разорвалось сердце бедное,
Накручинившись
От беды большой, от отчаянья.

И ударил колокол в третий раз:
«Вы не плачьте обо мне, подруженьки!
Вы не плачьте обо мне, родимые!
А как встану ночью темною
Со смертного одра, и пойду
ко площади на место лобное,
Место дикое, место страшное.
И найду я голову любимую,
Ненаглядную, драгоценную.
Окроплю святой водой,
Схороню в земле сырой.
Помолюся Господу.
Да наплачуся...»

И ударил колокол трижды третий раз.

Ты звени, звени, старый колокол!
Ты звени, возвещай правду горькую!
Не церковный то звон, не предсмертный то стон.
Добрый молодец с красной девицей
Обручаются...

Не родимые отец с матушкой,
Тучи грозные им свидетели!
Уж им родичи горы высокие,
И леса да моря – гости брачные.

РАССКАЗЫ

«Хвостунья»

Дуся – это моя кошка. Обычная наша «дворянка». Ее спасла от голодной смерти моя сестра. Дуся, тогдашняя Дымка, совершенно не умела бороться за существование, и среди стаи бездомных кошек никак не хотела бросаться на куски, которыми их подкармливали. Она застенчиво наблюдала чуть в стороне за борьбой, а когда дележка заканчивалась, и все кошки расходились, робко подходила и обнюхивала землю. Увы, там почти никогда ничего уже не оставалось.

Пушистая и ласковая, но с задатками инфанты, с изумрудными глазами, на дне которых притаилась лазурь, и походкой скаковой лошадки она, впервые оказавшись у меня дома, спряталась так, что мы несколько часов не могли ее найти.

Но что мне больше всего нравится — это ее хвост. Особенно вид сзади, когда она удаляется. Это музыка, поэма, трактат о женской сущности.

Что такое для кошки хвост?

Ах, каких только не бывает хвостов!

И кошачьи, и собачьи. А эта поговорка: «Мерзни, мерзни волчий хвост...».

Но кошачий пушистый хвост как, например, у моей Дуся – это целая история. Особенно когда она изящно отворачивается, согнув поднятый трубой хвост, чуть нагнув его вперед, и он, невесомо плавно покачиваясь, слегка изгибается. И вот, отвернувшись, она покачивает таким мягко пляшущим хвостом, откровенно-кокетливо демонстрируя пересечение штанишек, сходящихся черным пятнышком у самого основания хвоста.

А посмотрите на эти премилые женские головки! О чем сигнализирует эта женская прическа, в простонародье называемая «конский хвост»?

Лошади – самые замечательные существа на земле. Лошади и кошки. А хвост для этих животных имеет совершенно особое значение. Развевающийся на скаку лошадиный хвост – что это? Символ? Знак? И красота, и прикрытие.

Но кошачий хвост, кроме всего, просто пушистый, развевающийся или кокетливо танцующий, когда Дуся уходит – это нечто совершенно особое.

Именно глядя на нее, мне пришло в голову, что слово «хвастаться» происходит от слова «хвост». Слово хвост, как и сам, собственно, этот предмет, совершенно на первый взгляд ничемный – имеет особое значение. И, когда мы хвастаемся, на самом деле мы «хвостаемся». Кто круче? Хвастуны – на самом деле «хвостуны», ну а хвастуньи – не что иное, как «хвостуньи». Так что, милые «хвостуньи, конский хвост – это отличная женская прическа. Но никакой

искусный парикмахер не сотворит такой замечательный Дусин хвостик, как тот, когда она удаляется с грацией скаковой лошадки. Этот замечательный пушистый танец с бесстыдно кокетливой черной точкой там, где сходятся с основанием хвоста пушистые кошачьи штанишки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.